

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭПИЗОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ЧЕРЕЗ РЕЧЬ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНАХ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И «АННА КАРЕНИНА»

Эшкуватова Мохира Амантурдиевна

Преподаватель кафедры русской литературы и методики обучения
Узбекский государственный университет мировых языков
г.Ташкент

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7955916>

Аннотация: В статье рассматривается анализ субъектной организации нескольких эпизода из двух романов Л.Н.Толстого, основанный на его ритмической структуре, позволяет по-новому взглянуть на характер конфликта из «Анны Карениной», казалось бы, очевидный и во многом тождественный эпизод из «Войны и мира».

Ключевые слова: полифония, взаимодействие повествователя и персонажа, генерализация, глоссализация.

Взаимодействие «голосов» главных персонажей с «речью» повествователя воспринимается автором как одна из основных и ключевых различительных особенностей романов.

Аналогичные или сходные бытовые случаи и события, которые, как может показаться, мало что значат в идейно-художественном развитии этих произведений, но несут существенную подтекстовую нагрузку для раскрытия характеров действующих лиц. К ним трудно подобрать, условно говоря, соответствующую «лакмусовую бумагу» или подходящая изюминка, с помощью которых можно было бы определить хотя бы наиболее разительные отличия между двумя компонентами рассматриваемых «пар» из двух романов. Однако даже при первичном подходе к подобным повествовательным деталям и элементам, далеким от того, чтобы называть их сюжетными мотивами и эпизодами, т. к. оказываются лишены какой-нибудь самостоятельной информационной цельности и выраженной семантики, они позволяют убедиться в справедливости нашего предположения о том, что неповторимое своеобразие воплощения замысла обоих романов проявляется не только в изображении глобальных событий европейского масштаба значения, но и в колоритном воспроизведении жизни забитого нуждой простого крестьянина. В этом-то и заключается, один из основных отличий художественности Л. Н. Толстого.

В соответствии со сказанным рассмотрим эпизоды как они ведут хозяйственные дела и их заботы. С этой сферой жизни герои обоих

романов сталкиваются не раз. Часто это происходит, как и должно быть, в более чем будничной обстановке, как в случае с Николаем Ростовым, когда письмо из родительского дома вынуждает его на время оставить воинскую службу и сосредоточиться хотя бы на миг на улаживании пошатнувшегося финансового положения семьи. Весь основной эпизод после этого упоминания строится вокруг охоты с собаками [1]. Иногда такого рода дела служат лишь внешним фоном для выражения исключительно глубоких, охвативших всю душу и внутренний мир человека и переполнявших его мыслей, надежд и ожиданий. Особенно наглядно и убедительно это показано в двух эпизодах с Долли, которая вынуждена брать на себя заботу о бытовых проблемах и именно тогда, когда она вся без остатка поглощена тревожными переживаниями за судьбу своих детей, как ей представляется, навсегда лишившихся родного отца (гл. IV и гл. VII ч. 1 т. 3) [2, Т. 18] и с Левиным, который, осматривая новую молотилку и мысленно прикидывая, «сколько она зерна обмолотит в час» [2, с. 375], напряженно думает о смысле жизни и бытия (гл. XII ч. 8) [2, Т. 18]. Поэтому из всех подобных эпизодов мы выбрали два, непосредственно связанных с хозяйственными делами и выписанных к тому же намного детальнее и обстоятельнее.

Начало любого произведения, кроме того, что вводит читателя в определенную ситуацию и подготавливает его к восприятию основного события. С этой точки зрения особенный интерес представляют первые абзацы выбранных фрагментов. И здесь, несмотря на общее сходство обеих глав, уже в самом начале обнаруживается первое характерное отличие в возникновении и развитии конфликта, во многом типичного для форм ведения хозяйства той эпохи, такого взгляда на внешний мир и героев такого склада.

Первый абзац фрагмента «Войны и мира» сообщает лишь о том, что Пьер отправился в киевские имения, чтобы воплотить в жизнь план, составленный вскоре после вступления в масонскую ложу. Сразу становится очевидным контраст с началом XXIX главы «Анны Карениной», где с первых строк становится ясна суть конфликта и даже то, что «как планировалось», он разрешен не будет, но что возможность и способ «примирения» все же сохраняются [2, Т. 19].

Конфликт, как известно – это движущая сила произведения, являющийся своеобразным ключом для понимания каждого из эпизодов, сам по себе представляет любопытный случай, если иметь в виду его

дуалистический характер. «Внешний» конфликт можно определить достаточно просто -это борьба нового со старым, новых принципов ведения хозяйства, вводимых героями, и старого уклада, за который держится крестьянство во главе с управляющими. Несмотря на явные «экономические» выгоды, которые подтверждаются выкладками из статей расходов графа Безухова или предлагаемыми Левиным более совершенными орудиями производства, способными, тем не менее, вызвать у противников нововведений открытое или скрытое непонимание и сопротивление, камнем преткновения они не становятся, поскольку представляют лишь «оболочку» для «внутреннего» или истинного конфликта, который так же, как и его решение, и проще, и сложнее одновременно. Проще потому, что «планы» главных персонажей остаются лишь планами, т. к. их реализация на деле оказывается более чем сложной или даже невозможной; и вместе с тем сложнее, потому что целью предполагаемых изменений является не идея практической выгоды или прогресса, а стремление к собственному покою, который оказывается немыслим без хотя бы попытки сделать что-то «хорошее» для других или как-нибудь облегчить их жизнь и существование, в данной ситуации существование крестьян. Именно в силу своей однотипности конфликт может стать одним из способов и средств поиска и выявления отличительных особенностей двух фрагментов.

Это же касается и структуры обоих отрывков, которые имеют почти одинаковую легко узнаваемую последовательность частей. Это:

- 1) совещание с управляющими и произвольное или сознательное непонимание ими планов своих хозяев;
- 2) ложное выполнение задуманного;
- 3) сообщение о реальном положении дел;

Можно выделить третий признак, создающий еще одно «параллельное» измерение для двух эпизодов. Это способ их субъектной организации, в обоих случаях авторское всеведение доминирует, что формально выражается в «рассказывании» фрагментов от лица повествователя.

Внешне и формально основу субъектной организации каждого эпизода составляет речь повествователя. Действительно, в данной ситуации «Войны и мира» его голос только пять раз «прерывается» и все случаи принадлежат речи Пьера. Прямая речь персонажа графически выделена только в двух случаях, из них лишь первую фразу можно считать

более менее полноценной репликой, обращенной к главному управляющему: «Да, да, так и сделайте» [2, Т. 10, с. 104]; вторая - «Как легко, как мало усилия нужно, чтобы сделать так много добра,- думал Пьер,- и как мало мы об этом заботимся!» [2, Т. 10, с. 106], а слова «занимался» [2, Т. 10, с. 103] и «ребятниц»-женщин [2, Т. 10, с. 106], выделенные в тексте курсивом, -не что иное, как «цитирование цитаты» - использование в «монологе» повествователя слова из речи Пьера. Это своего рода глоссы, сигнализирующие о заимствовании лексики у другого субъекта речи, который, вероятно, сам слышал впервые эти слова во время поездки по Киевской губернии, и стремится, употребляя их, показать свою осведомленность в делах.

Иначе говоря, если реплика Пьера Безухова в монолог повествователя ограничивались только «цитатами», это можно было бы отнести к намеренному усложнению речи, некой риторической демонстративности, но когда в «голосе» автора звучат слова или словосочетания, речевых особенностей, это может значить лишь то, что таким способом в данном фрагменте будут зафиксированы все внеположные сознанию повествователя голоса, а, следовательно, все они нам известны, и потому можно говорить о полном доминировании голоса повествователя на всем протяжении данного текста.

В соответствующем фрагменте из «Анны Карениной» нет никаких «внешних», графических признаков наличия чьего-либо еще, кроме повествователя или голоса. Вместе с тем его роль здесь не является единственной, что доказывается, во-первых, репликой типа «приказчик сказал» [2, Т. 18, с. 358], во-вторых, пусть единственной, но прямой речью персонажа романа: «Получили бы денежки за землю, и вам покойнее, и нам бы развязка» [2, Т. 18, с. 360]. Третий момент, участие Левина в эпизоде заслуживает особого внимания, поскольку качественно отличается от «безуховского». И первое отличие как раз касается субъектной организации текста.

Можно с большей или меньшей долей уверенности рассуждать об отдельном слове или фразе, принадлежащих одному из сознаний (например, «авторство» первого абзаца, вероятнее всего, принадлежит Левину, и дело не в отдельных словах или выражениях, которые более всего свойственны этому персонажу или которые он мог бы произнести, а в особом, даже не интонационном рисунке, т. е. заметить это можно не только на уровне лексики или синтаксиса предполагаемой речевой

конструкции, но и в своеобразном отголоске Левина,- сравнить хотя бы с отрывком XVII главы второй части: «Тебе низко кажется, что я считаю деревья в лесу, а ты даришь тридцать тысяч Рябинину; но ты получишь аренду и не знаю еще что, а я не получу, и потому дорожу родовым и трудовым....» [2, Т. 18, с. 182] - здесь несколько иной предмет разговора, есть адресат, что важно, но оба голоса узнаваемы и идентифицируемы благодаря ставшей для нас привычной манере строить фразу,- той единственной характеристике, всегда отличающей один голос от другого - тембру, но отделить на основе этого признака повествователя от Левина, не прибегая к более глубокому уровню анализа и не полагаясь на везение и случай, невозможно.

«Сначала Левин думал сдать все хозяйство, как оно было, мужикам, работникам и приказчику на новых товарищеских условиях, но очень скоро убедился, что это невозможно, и решился подразделить хозяйство. Скотный двор, сад, огород, покосы, поля, разделенные на несколько отделов, должны были составить отдельные статьи» [2, Т. 18, с. 359]. Эти два предложения должны быть отмечены хотя бы потому, что составляют центр и кульминацию выбранного нами фрагмента - первоначальные планы, не найдя поддержки, отбрасываются, а на смену им приходит новая идея устройства хозяйства. Здесь, несмотря на очевидную принадлежность «внутренней» речи Левина и соответствующую среднюю длину фразового компонента (всего 7.5), его специфические «интонации» слышны не так отчетливо, как в некоторых других отрезках, такое соответствие достигается благодаря простому перечислению, а не в силу присущей Левину отрывистости речи.

Заключение.

Так, анализ субъектной организации эпизода, основанный на его ритмической структуре, позволяет по-новому взглянуть на характер конфликта из «Анны Карениной», казалось бы, очевидный и во многом тождественный эпизоду из «Войны и мира».

Речь повествователя - это некий феномен, проходящий сквозь весь текст, объединяющий все его части в единое целое, не даром в нем частыми являются допущения равенства текста произведения речи повествователя. Другими словами, его речь, его голос, его сознание - это, прежде всего, единый основной принцип, которому подчинено все остальное. Это очень хорошо видно на примере эпизода о хозяйственных начинаниях Пьера Безухова, где голос персонажа «пробивается» редко и не

является полноценно выраженным. Иная ситуация с аналогичным фрагментом из «Анны Карениной»: голос Константина Левина, не претендуя на одинаковые права и равенство с повествователем, все же нарушает его монополию, поскольку звучит отчетливо, ясно и узнаваемо. Возможно, здесь нет конфликта двух сознаний в привычной его форме, но есть два голоса, то и дело вторгающихся в пространство друг друга, перебивающих друг друга. Поэтому мы склонны считать, что содержание конфликта во фрагменте ХХІХ главы, если не сложнее, то детальнее хотя бы благодаря реализации его не на двух, как в эпизоде из «Войны и мира», а на трех уровнях.

Использованная литература:

1. Ахметшин Р. Б. К вопросу об эволюции феномена художественности Л. Н. Толстого (Сцена охоты в «Войне и мире» и «Анне Карениной») // Лингвистический семинар: мат-лы Международной интернет-конференции 14-16 октября 2008 года. Уфа, 2008. С. 220-229.
2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 91 т. М.; Л.: Госиздат 1928-1958, 1964. Т. 10, 18, 19.
3. Тюпа В. И. Аналитика художественного. М.: Лабиринт, 2001. С. 87.